

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 21

1983

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

ВОЗДУШНЫЙ ВИТЯЗЬ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« П Р А В Д А »

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 21

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

ВОЗДУШНЫЙ ВИТЯЗЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ
(1884—1967)

Сергей Митрофанович Городецкий родился 5 января 1884 года в Петербурге. Его мать в юности была знакома с Тургеневым и до конца жизни была верна идеям шестидесятников; отец, служивший в министерстве внутренних дел, оставил о себе добрую память как писатель-этнограф, участвовавший в описании русских «окраин». Он умер, когда будущему поэту было 9 лет, и семья оказалась почти без средств к существованию.

Окончив гимназию с золотой медалью, С. М. Городецкий поступил в Петербургский университет, где произошла решающая для него встреча с Александром Блоком. Впервые произведение С. Городецкого появилось целиком в печати в статье Блока «Краски и слова». Это было стихотворение «Зной», которое Блок назвал «совершенным по красочности и конкретности словаря».

Первая книга Городецкого «Ярь» (1906 г.) буквально потрясла современников. Фольклорная образность, народность стихов молодого поэта покорили и завораживали таких знатоков поэзии, как Вяч. Иванов, Брюсов, Чуковский и других. Тот же требовательный Блок назвал «Ярь» «может быть величайшей из современных книг».

С. Городецкий более шести десятилетий талантливо, честно и самоотверженно работал в литературе. Сборники его стихов «Ярь», «Перун», «Дикая воля», «Цветущий посох», «Ива», «Ангел Армении», «Серп», «Грань» и многие другие, его рассказы, романы, критические статьи и лирические портреты современников, оперные либретто (среди которых — ставший классическим новый текст к опере М. И. Глинки «Иван Сусанин»), переводы со многих языков и пьесы стали неотъемлемой частью отечественной культуры, им принадлежит достойное место в русской литературе XX века.

В настоящее издание, выходящее к 100-летию со дня рождения С. М. Городецкого, включены избранные стихотворения поэта.

*В. Енишерлов, заместитель председателя комиссии
по литературному наследию С. М. Городецкого.*

ЗНОИ

Не воздух, а золото,
Жидкое золото
Пролило в мир.
Скован без молота —
Жидкого золота
Не движется мир.

Высокое озеро,
Синее озеро
Молча лежит.
Зелено-косматое,
Спячкой измятое,
В воду глядит.

Белые волосы,
Длинные волосы
Небо прядет.
Небо, без голоса,
Звонкого голоса,
Молча прядет.

1905

СТАВЯТ ЯРИЛУ

Оточили кремневый топор,
Собрались на зеленый ковер,
Собрались под зеленый шатер.
Там белеется ствол обнаженный,
Там белеется липовый ствол.
Липа, нежное дерево, липа —
Липовый ствол
Обнаженный.

Впереди, седовласый, космат,
Подвигается старый ведун.
Пережил он две тысячи лун,
Хоронил он топор.
От далеких озер
Он пришел.
Ему первый удар
В белый ствол.

Вот две жрицы десятой весны
Старику отданы.
В их глазах
Только страх,
И, как ствол, их белеют тела.
Так бела
Только — нежное дерево — липа.

Взял одну и подвел,
Опрокинул на ствол,
Привязал.
Просвистел топором —
Залился голосок
И упал.
Так ударился первый удар.

Подымали другие за ним
Тот кровавый топор,
Тот кремневый топор.
В тело раз,
В липу два
Опускали.

И кровавился ствол,
Принимая лицо.
Вот черта — это нос,
Вот дыра — это глаз.
В тело раз,
В липу два.
Покраснела трава,
Зазелся откос,
И у ног
В красных пятнах лежит
Новый бог.

ВЕСНА

(Монастырская)

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела!
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

«Ах ты, поле, моя воля,
Ах, дорога дорогá!
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка чиста четверга!

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого моста,
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой?
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой!»

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря!

1906

ИЗ ЦИКЛА «ХАОС»

Беспредельна даль поляны.
Реет, веет стяг румяный,
Дионисом осиянный.

И вызывает древле-дико
Яркость солнечного лика,
Ярость пламенного крика:

В хороводы, в хороводы,
О, соборуйтесь, народы,
Звезды, звери, горы, воды!

Вздыхем голос хороводный
И осеем свод бесплодный
Цветом радости народной.

Древний хаос потревожим,
Космос скованный низложим, —
Мы ведь можем, можем, можем!

Только пламенной желанья,
Только ярче ликованья, —
Расколдуем мирозданье!

И предвечности далекой
Завопит огонь безокой
Над толпою тайноокой,

И заплещет хаос пенный,
Возвращенный и бессменный,
Вырываясь из вселенной.

1906

ПЕРУН

Два врага — Луна и Солнце.
Поле битвы — синий свод.
За горою медлит Солнце.
Лунный ворог Солнце ждет.

Лес еловый зачарован
Лунной силой, колдовством.
Мир могучий замурован
Ворожейным волшебством.

Во плену лежат поляны,
Во плену и птичий крик.
Душу утренней Смугляны
Душит хвоей Лесовик.

Вдруг за лесом, на востоке
Заблестел конец копья,
Заалелся крутобокий
Щит Перунова литья.

Вылит, выкован с отливом,
Ярко вызолочен щит.
В ожиданье молчаливом
Бог Перун за ним стоит.

И Луна, Перуна-бога
Увидавши за горой,
Закричала: «Вихрь Стрибога!
Солнцу яму в тучах рой!»

И на поле боевое
Побледнелая идет.
Пламя рдеет заревое,
Стрелы острые кует.

Вот он, первый крик сраженья,
Первый выстрел рдяных стрел!
Ждет земля освобожденья.
Лесовик оцепенел.

И душа молодой Смугляны,
Робких сумерек душа
Льется в светлые туманы,
Тает, светами дыша.

Солнце, Солнце лик победный
Выше, выше в синий свод!
Лунный ворог, призрак бледный,
За туманы упадет.

Лунный ворог побежденный
Еле светится внизу.
Бог Перун на мир смущенный
Мечет светлую грозу.

Свод сияет. Засверкала
Там стрела и там стрела.
В поле синее упала,
В чащу леса залегла.

И, хмелясь победным пиром,
За лучом бросая луч,
Бог Перун владеет миром,
Ясен, грозен и могуч.

1907

НА КАТОРГУ

Земля еще под пологом
Предутренних теней.
А окна фабрик светятся
В морозной темноте.

Зачахли сиротливые
И звезды и созвездия
Над трубами, дымящими
В глазницы высоте.
И льются, льются нищие,
Закутаны лохмотьями,
Ругаясь на ходу.

И пасть глотает черная
Чешуйчатый поток,
Ползучую змею.

Уж пять часов привычных,
Скрипя, часы фабричные
Ударили, крича.
Пять яростных ударов
Кричащего бича.
Пять ран в пустое сердце
Прилипшего к одру
Глушительного сна.

Пять тысяч острых ран
В густую чешую
Сползающей змеи
С нагретого одра.

Уж скоро солнце зимнее
Над каменной стеной
Покажет, озираясь,
Морозное лицо,
Омытое в крови.

И в грохоте и рокоте
Завертятся, закружатся
Колеса и ремни,
Глумясь и издеваясь
Над жизнью каторжан.

1907

НА МАССОВКУ

Леса вековые сосновые,
Луга зеленее зеленого
И неба, лазурью вспоенного,
Края, засмеяться готовые
Нежно-лиловые.

Стволы, побуревшие в годах,
Гордые ржавыми латами,
И между стволами лохматыми,
В дальних просветах,
Вразброд
Рабочий народ.

Шапки надвинуты, вскинуты,
Лица вспотевшие.
Все одной радостью двинуты.
Все восхотевшие
Счастья свободного.
Мира негодного
Пути истлевшие
Будто бы скинуты.

Пестрыми массаами
Движутся, движутся,
Густо на просеки нижутся.

В городе дымном
Станками, машинами, кассами
Дух искалечен.
В труде заунывном
Голод всегда обеспечен.

Рокот, и грохот, и вой
Фабрики, потом и кровью живой —
Там, за спиною.
Сердце зарделось
Весною.
В леса захотелось,
На волю —
Услышать про новую долю.

Гулко текут по оврагу
Морем шумливым,
Скованы дружным порывом,
Снова и снова
Пьют заповедную брагу
Воздуха, воли, лучей.
Слова, кипящего слова!
Смелых речей!
Смогло. Над желтым обрывом
Оратор...

1906

ОТДАНИЕ МОЛОДОСТИ

Я схоронил тебя в дремучей чаще,
О молодость моя!
Но как кремни из вражьей пращи —
Мне память младобытия.

Стонал и лес под звон моей лопаты,
И рвался ярый конь,
И мой закат, как все закаты,
Рыдая, алый жег огонь.

А я бросал земли взрыхленной комья,
Бесстрашный и немой,
Как истый вскормленник бездомья,
Пошедший по миру с сумой.

И, разнуздав коня, пустил в раздолье
Его звериный гнев.
И, окрещенный первой болью,
Упал меж дремлющих дерев.

Когда же встал, свисали в явь созвездья,
И зоркая сова
Вещала правоту возмездья,
И ночь настать была права.

1909

НИЩАЯ

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились венки ей сплести.

День был морозный и ветреный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старую свиткой укрыт.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, прими мой пятак!»
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгнула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе, незвано, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

1910

* * *

Дикий ворон каркнул в поле
На дремучем валуне.
Зори крыльями взмахнули
И сгорели в стороне.

Вышел я в ночное поле —
Звезды вешние летят.
Кобылицы рыщут в горе:
Потеряли жеребят.

Грузно рухнул на колени,
Поднял новь земли сырой
И к пахучей черной ране
Пал горячею щечкой.

Я хочу, земля, услышать
Первый твой весенний вздох.
Скоро всю тебя распашет
Древний шаг крестьянских сох.

Ты подымешь яровые,
Молоком зерно вспоишь,
Золотой ржаной молвою
В знойный полдень прошумишь.

Ты напой, земля, богато
На восходе раннем дня.
До зари, холмами скрытой,
И, несчастного, меня.

Я такое же, как в злаках,
Что засеяны давно,
Я твое — прозяб до срока —
Буйно всхожее зерно.

* * *

Счастливым смех над лунною водою...
Благословенны слитые уста!
Прекрасны вы, неведомые двое,
Земная нерушима красота.

В мученьях духа, с песней одинокой,
Я мимо прохожу и, слыша счастья смех,
Молюсь земле, ее луне высокой,
Молюсь, как в детстве,— всем, о счастье
всех.

1912

* * *

В душную улицу липовым цветом
Сладко повеяло. Нищий мой друг!
Есть ведь деревья, цветущие где-то,
Девы и дети, покой и досуг.

Ты ль не измучен? Но трудную долю
Разве не сам, как хозяин, ты взял?
Молча великий творит свою волю,
Стонет лишь тот, кто ничтожен иль мал.

1912

РИМ

Был день тот задумчиво-хмурым,
И в облако кутался Рим,
Когда вознеслись Диоскуры
Пред медленным взором моим.

Я легкой стопой в Капитолий,
Гробницу истории, шел.
Волчица металась в неволе,
И крыльями двигал орел.

В блаженном раздумье Аврелий
Скакал на могучем коне,
И кудри его зеленели,
Как мать-земля по весне.

Привет тебе, Рим! Величав ты
В руинах свершенной мечты!
К тебе всех веков аргонавты
Плывут за руном красоты.

И я, издалека паломник,
Внимая полету времен,
Стою здесь, как будто припомнив
Какой-то счастливейший сон.

1912

ВОЗДУШНЫЙ ВИТЯЗЬ

Памяти П. Н. Нестерова

Он взлетел, как в родную стихию,
В голубую воздушную высь,
Защищать нашу мать Россию,—
Там враги в поднебесье неслись.

Он один был, воитель крылатый,
А врагов было три корабля,
Но отвагой и гневом объятый,
Он догнал их. Притихла земля.

И над первым врагом, быстр и светел,
Он вознесся, паря, как орел.
Как орел, свою жертву наметил
И стремительно в битву пошел.

В этот миг он, наверное, ведал
Над бессильным врагом торжество,
И крылатая дева Победа
Любовалась полетом его.

Воевала земля, но впервые
Небеса охватила война.
Как удары грозы огневые,
Был бесстрашен удар летуна.

И низринулся враг побежденный!..
Но нашел в том же лютом бою,

Победитель, судьбой пораженный,
Молодую могилу свою.

Победителю вечная слава!
Слава витязям синих высот!
Ими русская крепнет держава,
Ими русская сила растет.

Их орлиной бессмертной отвагой
Пробивается воинству след,
Добывается русское благо,
Начинается песня побед.

Слава войску крылатому, слава!
Слава всем удалцам-летунам!
Слава битве средь туч величавой!
Слава русским воздушным бойцам!

1914

АРМЕНИЯ

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу двери сердца отворить!
Армения, звенящая огнем и кровью,
Армения, тебя готов я полюбить.

Я голову пред древностью твоей склоняю
И красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Иду к тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы
Жемчужные, от долгих бед седые горы.
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью
И воскресенья весть услышать над тобой,
Армения, звенящая огнем и кровью,
Армения, не побежденная судьбой!

1916

АНГЕЛ АРМЕНИИ

Он мне явился в блеске алых риз
Над той страной, что всех несчастней стран.
Одним крылом он осенял Масис,
Другим — седой от горьких слез Сипан.

Под ним, как тучи, темен и тяжел,
Сбираясь по долинам голубым,
С испепеленных, разоренных сел
Струился молчаливый, душный дым.

Под ним на дне ущелий, в бездне гор,
В ненарушимой тишине полян,
Как сотканный из жемчугов ковер,
Сияли кости белые армян.

И где-то по тропиночке брели
Измученной, истерзанной толпой
Последние наследники земли
В тоске изнеможения слепой.

Был гневен ангел. Взор его пылал,
Как молнии неудержимых гроз.
И словно пламень, замкнутый в опал,
Металось сердце в нем, алее роз.

И высоко в руках богатыря
Держал он радугу семи цветов.
Его чело светилось, как заря,
Уста струили водопады слов:

«Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвецаю новой жизни дни.

Истлеет марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон.
Заветный Ван и синий Ахтамар
В тебе вернутся из былых времен.

Восстань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот радугу я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой!»

1918

ПРОЩАНИЕ

Прощайте, печальные тени,
Цветов онемелые губы.
Пусть ваши весенние сени
Ни вихрь, ни гроза не погубит.

Я с вами томился и плакал,
Я с вами упился цветеньем,
И зарностью алого мака,
И яблонь жемчужным лученьем.

Когда же плоды наливные
Созреют на ветках счастливых,
Вы вспомните, тени родные,
О песнях моих молчаливых,

О вере моей громогласной,
Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно.

1916

ГОРОД НА ЗАРЕ

Молчат огромные дома
О том, что этот мир — тюрьма.

И вывески кричат о том,
Что этот мир — публичный дом,

Где продается каждый сон,
А кто не продан, тот смешон.

Железных фабрик силуэт
Кричит о том, что воли нет.

Чтоб эти кубы из камней
Сдавили бешенство огней.

Заре запели петухи.
Порозовели стен верхи.

Не отрываясь от земли,
Качнулись в море корабли.

Вспорхнул и замер легкий шквал.
Седой газетчик пробежал,

Вонзая в сонный мозг людей
Пустые вести площадей.

Валы согбенные сплотив,
Грохочет утренний прилив.

В ущелья улиц, под дома
Бежит испуганная тьма.

И, как бушующий народ,
Из алых волн встает восход.

Мильоны огненных знамен
Вздывает в зыбь ночную он.

И, как трибун перед толпой,
С последней речью боевой,

С могучим лозунгом: «Живи!»
Выходит солнце, всё в крови.

1919, Баку

КОФЕ

Тебя собирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото,
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плеткой
На пристани следил за упаковкой
Клейменных ящиков — и кровью кроткой
Окрашивал тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыпая, зерна.
А там, на Яве, кровавые раны
На девушке горели рыже-черной...

Любуешься порою, как в фарфоре
Кипит с отливом золотистым кофе,
И вдруг в мозгу встает желаний море,
И кровь томит тоска по катастрофе:

Долой насилие! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий!
Не надо солнцу океана стражи.

Отмстить за бешенство бичей ременных!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях и на болотах Явы!

1919, Баку

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Увенчан терном горькой славы,
Властитель ритмов дней багряных
Ушел в печали величавой,
В недугах и кровавых ранах.

И пусто лесу у опушки,
И полю в цвете милом убыль.
Ушел туда, где светит Пушкин,
Ушел туда, где грезит Врубель.

И ранит небо грудь лебяжью,
Закатами кровавит дали.
Болотный попик в глубь овражью
Бежит, заплакан и печален.

Фабричных улиц перекрестки,
Ушедшим солнцем озаряясь,
Затеплились слезою блестящей,
И чахлах веток никнет завязь.

А на мосту, вся в черном, черном,
Рыдает тихо Незнакомка
О сне, минувшем неповторно,
О счастье молнийном и ломком.

Ушел любимый. Как же голос
Неизъяснимый не услышим,
Когда на сердце станет голо,
Когда захочется быть выше?

1921, Баку

РАЗГОВОР С РУСЬЮ

Огни последнего трактира
Ночь подобрала под бурнус.
Дорога вырвалась из мира
В лесную тьму, в ночную Русь.

Еще вдали в селе звенели
Ребят веселых голоса.
Но с каждым шагом глуше нелюдь
И непрогляднее леса.

Ямщик смекнул: «Куда ж мы гоним?
Куда ты едешь?» — «Трусись? Стой!»
Я слез, и укатили кони,
Укутываясь темнотою.

Один. Родимой тишиною
Лесная дышит чернота.
И высь, где звезды светом ноют,
К земле пригнулась у куста.

«Русь! Это ты? — Истомой слуха
Пытаю мать.— Ты слышишь, Русь?»
— «Да, это я. И я, старуха,
На маленьком не помирюсь.

Да где ж ты был? Да что ж ты делал?»
— «Я был с тобой. В веках. Не в тех,
Где ты под плеткою радела,
В бреду выдумывая грех».

«В каких?» — «В невиданных, в грядущих,
Где ты доныне не была,
Где всех, отрады не имущих,
Ты в пурпур счастья облекла».

«Да это ты из сказок вычел
Про сладость кисельных берегов
Или подслушал в песне птичьей
В туманном мареве лугов.

Как встарь, я в топях и оврагах,
Как встарь, костями меня мостят
Пожар и мор, беда и брага,
Как встарь, соловушки мне льстят».

«А ну-ка, мать, привстань немного.
Прислушайся к себе сама!..»
И расхлестнулась вдаль дорогой
Шуршащая лесами тьма.

Я на руках не то у ели,
Не то у матери родной.
И дышит древней силы хмелем
В лицо мне сумрак вороной.

И смотрят шире ночи очи,
Зарницы рвут ресниц покров,
И сердце влажное клокочет
За грудью в волосах лесов.

Мне жутко, и тепло мне. «Что же
Ты видишь? Что ты слышишь, мать?»
Мне вихрем вслух: «На то похоже,
Что буду солнце подымать».

1923

ВЕЛИМИРУ ХЛЕБНИКОВУ

За взлетом розовых фламинго,
За синью рисовых полей
Всё дальше Персия манила
Руками старых миндалей.

И он ушел, пытливо-косный,
Как мысли в заумь, заверстав
Насмешку глаз — в ржаные космы,
Осанку денди — в два холста.

Томился синий сумрак высью,
В удушье роз загдох простор,
Когда ко мне он ловкой рысью
Перемахнул через забор.

На подоконник сел. Молчали.
Быть может, час, быть может, миг.
А в звездах знаки слов качались,
Еще не понятых людьми.

Прорежет воздух криком птичьим,
И снова шорох моря нем.
А мы ушли в косноязычье
Филологических проблем.

Вопрос был в том, вздымать ли корни,
Иль можно так же суффикс гнуть.
И Велимир, быка упорней,
Тянулся в звуковую муть.

Ч — череп, чаша, черевики,
В — ветер, вьюга, веря.
Вмещался зверь и ум великий
В его лохматые края.

Заря лимонно-рыжим шелком
Над бархатной вспахнулась тьмой,
Когда в луче он скрылся колком,
Всё рассказав — и всё ж немой.

И лист его, в былом пожухлый,
Передо мной давно лежит.
Круглеют бисерные буквы
И сумрачные чертежи.

Урус-дервиш, поэт-бродяга
По странам мысли и земли!
Как без тебя в поэтах наго!
Как нагло звук твой расплели!

Ты умер смертью всех бездомных.
Ты, предземшара, в шар свой взят.
И клочья дум твоих огромных,
Как листья, по свету летят.

Но почему не быть в изъяне!
Когда-нибудь в будой людье
Родятся всё же бюджетяне
И возвратят тебя в себе.

1925

МОЙ САД

Мне выпала печальная услада
Устами юных рассказать свое.
Я широко раскрыл ворота сада,
Где сам засеял песен забытью.

Мой заповедный сад, мой потаенный!
Ты весь, мой сад, пошел на семена,
И я смотрю, как дуб уединенный,
На всхоженные мною племена.

Я выходил березе белотелой
Стыд девичий и слезы, злей людских,
Чтобы ее печалью оробелой
Звенел рязанского страдальца стих.

Я звонницу построил в куще сосен,
Чтоб застонали ввысь колокола
И синева онежских древних весен
Слепым певцам пригрезиться могла.

Я Волги зачерпнул ковшом созвездья
И корни вволю буйством напоил,
Чтоб по уваям леса вольной вестью
Ширяевские пели соловьи.

Мой вешний сад, как ты богато вырос!
Как широко гудит зеленый звон!
Ни вихорья времен, ни крови сырость
Не тронули твоих высоких крон.

И речь идет по певчему народу,
Что мне пора, давно уже пора
Свалить себе на смертную колоду
Хороший ствол ударом топора.

Но мне еще не хочется под дерен.
Я сруб рублю. А в сад старинный мой
По вечерам, работою заморен,
Хожу дышать животворящей тьмой.

И поросли так веселы, так свежи
Теснятся, тянутся избытком сил,
Как будто бы они все те же, те же,
Которые когда-то я сажил.

1926

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Ты был мне сыном. Нет, не другом.
И ты покинул отчий дом,
Чтоб кончить жизнь пустым испугом
Перед весенним в реках льдом.

Ты выпил всё, что было в доме,
И старый мед и древний яд,
Струя запутанный в соломе,
Улыбчивый и хитрый взгляд.

И я бездумно любовался
Твоей веселою весной
И без тревоги расставался
С тобой над самой крутизной.

А под горой, в реке, в теснинах,
Уже вставали дыбом льды,
Отец с винтовкой шел на сына,
Под пули внуков шли деды.

Былое падало в овраги,
И будущее в жизнь рвалось.
На мир надежды и отваги
Враги накачивали злость.

И разгорался бой упорный,
Винтовка приросла к рукам.
А ты скитался, беспризорный,
По заунывным кабакам.

Ты лебедем из грязи к славе
Рванулся дерзко. И повис.
Ты навсегда мой дом оставил,
И в нем другие родились.

Река несла под крутизною
Испуганный ребячий труп.
Ладонь обуглилась от зноя,
Сломались брови на ветру.

1927

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Вечерней розовой чадрой
Окутан неподвижный сад.
Цветы густые под горой
Благоухание струят.

Но черным вороном во мгле
Среди сверкающих садов
Старинный замок на скале
Притих, безмолвен и суров.

То сладкий вздох, то поцелуй,
То переклик птенцов вдали,
И море пенным всплеском струй
Ласкает жаркий край земли.

Но, как пустыня, как скала,
Я одинок в ночном раю.
Тревога все во мне сожгла,
Чем люди любят и поют.

Там, в казематах, в темноте,
Лежат товарищи мои.

На каждом из усталых тел
Цепей железных две змеи.

Пытают пленных палачи,
И жалит ржавая змея.
Но в каждом пленном месть кричит:
«И я, свободный, с ними я!»

И, будто горы мне малы,
Весь — крылья мысли, весь — полет,
Я из душистой этой мглы
Мчусь в предназначенный мне взвод.

Винтовку в руки запаяв,
Среди своих плечо к плечу,
С проклятой стаей воронья
Я в битву ринуться хочу!

И если смерть, так на посту!
И если в бой, так до конца!
Но под железную пяду
Не дам ни одного птенца!

Ни перла пены! Ни волны!
Ни звука песни! Ни цветка!
Ни камня из моей страны —
Не дам их бешеным рукам!

Я ничего им не отдам!
Я их сильнее: я не один!
В последней битве навсегда
Насильников мы победим!

1929

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Колыбель твою качали
Волны рек, коней разбег.
В южном море, на причале,
Ветер грезил о тебе.

Пни драла ты на деревни,
И леса на север шли.
Под твоей мотыгой древней
Обнажалась грудь земли.

Молоко ее парное
В губы, мака розовой,
Ты впивала с вешним зноем,
Чтоб родить богатырей.

И под кружевом кольчужным
Пóтом бранным оросясь,
Шли они союзом дружным
Защищать Дунай и Сясь.

Помним отблеск лезвий ржавый,
Лязг колчанов, высвист стрел,
В стягах шум победной славы,
Вражьи трупы на костре.

Видим, как горит солома
На шестах, зовя на бой:
Бердышами по шеломам,
По секирам булавой!

И в обветренных закатах,
В окровавленных снегах
Видим тенью вороватой
Отступавшего врага.

Ничего мы не забыли!
В недрах сердца мы храним
Дни, когда дубьем дубили
Темя недругам своим.

Славы, предками добытой,
Не утратим никогда.
Вновь волчицею подбитой
Уползет от нас беда.

1941

НА БРАТСКИХ МОГИЛАХ

Под сводами зеленокрылыми,
Где каждая плачет сосна,
Меж братскими шли мы могилами,
Читая бойцов имена.

Торжественно шли за победой мы,
Но смерть обнажала свой счет:
Иванов, Петров, и неведомый,
И с ними полсотни еще.

Дождями истерты буквы,
Заботливых строк череда,
Гласили, что даже под муками
Не сдастся герой никогда.

В огромных могилах, как вóлоты *,
Навек опочили бойцы,
И солнце из чистого золота
Плело им бессмертья венцы.

Спасла их земля белорусская
Из плена в аду палачей,
К могилам тропиночка узкая
Слезами звенит, как ручей.

Они ведь, родимые, встретили
Грозы самый первый налет
И двадцать второго и третьего
Рвались на огонь, но вперед.

Гроза навалилась огромная,
Врасплох подожгла рубежи,
Вонзая в наш край вероломные
Убийственных молний ножи.

В бой бросились воинов тысячи,
Решив: «иль умру, иль прорвусь!»

---

* Богатыри

Как древле древяне и кривичи —
Мечей не ронявшая Русь.

Расправился с вражьими силами
Народ... Отгремела война...
Победа идет над могилами,
Читая бойцов имена.

1945

* * *

Настанет час, когда меня не станет,
Помчатся дни без удержу, как все.
Все то же солнце в ночь лучами грянет
И травы вспыхнут в утренней росе.

И человек, бесчисленный, как звезды,
Свой новый подвиг без меня начнет.
Но песенка, которую я создал,
В его трудах хоть искрою блеснет.

1955

ПРОЩАНИЕ С ИЗБОИ

Прощай, прости, моя изба!
Ты вся почти из старых бревен:
Где прям венец, а где неровен —
Так заплела мне жизнь судьба.

Похожи избы на гроба:
В них веет тлением часовен.
Разлуки зов беспрекословен!
Я окрылен. А ты — раба.

Благодарю тебя за сказки,
Что пели девичьи мне ласки
В твоей подлунной тишине.

Я верю, что над древней пашней
Хрустальные воздвигнет башни
Народ, родной тебе и мне.

1962

АРФА

Вере Дуловой

Когда из голубого шарфа
Вечерних медленных теней
Твоя мечтательная арфа
Вдруг запоет о вихре дней,

О бурях неги, взлетах страсти,
О пламенеющих сердцах,
Я весь в ее волшебной власти,
В ее ласкающих струях.

И кажется, что эти звуки
На волю выведут меня
Из праздной скуки, душной муки
Ушедшего бесплодья дня.

1967

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Зной	3
Ставят Ярилу	3
Весна (<i>Монастырская</i>)	5
Из цикла «Хаос»	6
Перун	6
На каторгу	8
На массовку	9
Отдание молодости	10
Нищая	11
«Дикий ворон каркнул в поле...»	12
«Счастливый смех над лунною водою...»	13
«В душную улицу липовым цветом...»	13
Рим	13
Воздушный витязь	14
Армения	15
Ангел Армении	16
Прощание	17
Город на заре	17
Кофе	18
Александрю Блоку	19
Разговор с Русью	20
Велимиру Хлебникову	22
Мой сад	23
Сергею Есенину	24
Колониальная песня	25
Древняя Русь	26
На братских могилах	28
«Настанет час, когда меня не станет...»	29
Прощание с избой	29
Арфа	30

Сергей Митрофанович ГОРОДЕЦКИЙ

ВОЗДУШНЫЙ ВИТЯЗЬ

Редактор В. П. Енишерлов

Составитель Л. Н. Васильева

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 01.04.83. Подписано к печати 08.06.83. А 00689. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,46. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1625. Заказ № 510.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОБМЕН ЧАСОВ ВМЕСТО РЕМОНТА

Если наручные часы или будильник
вышли из строя,
не обязательно ждать, пока их отремонти-
руют.

В мастерских по ремонту бытовой техники
можно обменять неисправные часы
отечественных марок
на заранее отремонтированные с гарантией.

Можно выбрать такую же модель
или равноценные часы другой марки.

Оплачивается только ремонт
и стоимость заменяемых деталей внешнего
оформления.

Ремонт длится несколько дней —
ОБМЕН требует нескольких минут.
ЧТО УДОБНЕЕ?

Росбытреклама